

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ ПОВЕСТИ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА «ИГО ВОЙНЫ»

Н.Д. Богатырева

*Вятский государственный гуманитарный университет, Киров,
bognat5@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена выявлению когнитивно-семиотического содержания городских рекламных имен. Автор выявил показательную тенденцию в эргономии Санкт-Петербурга последних лет – реактуализацию мифологемы «Общинность/Государственность». Востребованной оказалась популярная технология знаковых/прецедентных имен, персональных или эмблемных представителей той или иной яркой эпохи русской общинности/государственности. В ностальгическом дискурсе как социальной эмоции образы прошлого извлекаются для того, чтобы справиться с последствиями культурных изменений и потерянной идентичности, при этом они могут подвергаться неумеренной романтизации. Клишированные и отретушированные образы/знаки образуют комбинацию запомнившегося, воображаемого и реинтерпретированного ушедшего, которое в памяти выглядит более позитивным. Рекламный дискурс, ориентированный на поэтику постмодернистской игры, часто и не без успеха разбавляет романтизацию долей иронии, хотя порой и провокативной. Другой тенденцией последних лет стала безудержная эксплуатация в эргономии знаковых образов национальной самоидентификации, в частности базового концепта «русское». К существенным чертам концепта «империя/имперское» относят историческую устойчивость, претензию на значимость, гегемонизм политики и масштабность, наличие вертикали власти и сакральную власть императора. Современный рекламный дискурс выборочно воспроизводит существенные черты «Общины» и «Империи», толкуемых как стандарты единения, величия, значительности, державности, духа традиции, устойчивости и стабильности. Современность и универсальность рекламных имен, демонстративность и открытость для разнообразных инноваций и модных тенденций позволяют рассматривать неймы как незаменимый инструмент диагностики социокультурных тенденций и приоритетов, проявляющих важные для духовно-нравственной атмосферы современного общества процессы, связанные с процессом национальной самоидентификации.

Ключевые слова: лингвоградоведение, Санкт-Петербург, когнитивно-семиотический анализ, концепт, рекламное имя, эргоним, национальная идентичность, социокультурные приоритеты

Художественное полотно хранит эмоциональную, духовную память истории. История Первой мировой войны, которая отделена от нас столетием, была, образно говоря, «отодвинута» в сторону, оттеснена в сознании поколений потрясе-

Богатырева Наталья Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков неязыковых специальностей Вятского государственного гуманитарного университета. E-mail: bognat5@yandex.ru.

ниями 1917 года, катастрофой Второй мировой. Поэтому, может быть, особую ценность могут представить на первый взгляд второстепенные художественные произведения, которые не были замечены и по достоинству оценены современниками. К таким произведениям можно отнести повесть Леонида Андреева «Иго войны. (Признания маленького человека о великих днях)» (1916).

Публикация повести не обошлась без вмешательства цензуры. О цензурной истории произведения современный исследователь сообщает: «"Иго войны" можно было опубликовать только в литературном альманахе "Шиповник", а не отдельной книгой. Запрет был только временным, но из-за утраты своей злободневности и скромного художественного уровня повесть не была опубликована второй раз. Поэтому она осталась неизвестной как специалистам, так и рядовым читателям»¹. Более или менее развернутые варианты литературоведческого анализа произведения в наши дни можно найти, пожалуй, только в работах Бена Хеллмана² и Ольги Володиной³.

Современная писателю критика почти не заметила новую публикацию. Согласно наиболее полной библиографии прижизненных книжных, журнальных и газетных откликов на произведения художника, повесть была оценена всего 14 рецензентами⁴ (т.е. невероятно скупо по сравнению с другими андреевскими произведениями).

Сочувственный отклик принадлежит Анастасии Чеботаревской, писателю и переводчику, жене Ф. Сологуба, назвавшей повесть «единственно значительным произведением о войне», отметившей ее «простоту и правдивость»⁵. Положительным отзывом можно считать публикацию Д.В. Филофова в газете «Речь» (25 июля 1916 года), оценившего повесть как «интересную попытку изобразить психологию среднего культурного обывателя, застигнутого войною врасплох»⁶.

Негативные же оценки более многочисленны: автор неубедительно решил «общественнополезную тему», герой повести – «кривое и разбитое зеркало», с помощью которого «невозможно доискаться подлинной исторической истины», «эгоист, трус и пошляк, постепенно превращающийся в гражданина, героя»⁷.

Посмотрим, насколько справедливыми видятся эти мнения сто лет спустя... Повесть представляет собой дневниковые записи «маленького человека», скромного бухгалтера Ильи Петровича Дементьева, 45-летнего петербуржца, счастливого семьянина, отца троих малолетних детей.

Герой «Ига войны» пытается разобраться в том, что мучительно осознавалось в те же дни и месяцы самим писателем⁸. В освещении темы Первой мировой войны повесть непосредственно связана с пьесой «Король, закон и свобода» и публицистикой Андреева 1914–1917 гг.⁹

¹ Хеллман 1995, 207.

² Хеллман 1995, 206–219.

³ Вологина 2005, 113–115.

⁴ Чуваков 1998, 574.

⁵ Чуваков 1998, 516.

⁶ Чуваков 1998, 518.

⁷ Андреев 1996, 621.

⁸ Кен, Рогов 2010, 300.

⁹ Андреев 1996, 619.

Прежде всего автору важно через исповедальную обнаженность и откровенность героя в записях «исключительно для себя» защитить экзистенциальную уникальность и непреходящую значимость человеческой личности. Персоналистский пафос пронизывает многие страницы повести, содержащей признания, которые герой ни за что не решился бы сделать достоянием других, даже самых близких людей: «Этот дневник мой я пишу по вечерам и ночам под видом служебных бумаг, которые якобы беру на дом из конторы. Александра Евгеньевна, моя жена, во всех отношениях чудесный и даже редкий человек, интеллигентный, добрый и отзывчивый, но все же между нами есть некоторая разница, какая есть между собою и всяким другим самым близким человеком; и для меня крайне важно и необходимо, чтобы никто не читал написанного мною, иначе я потеряю свободу в выражении моих мыслей, <...> ...о многом говорить стыдно даже с близкими и любимыми людьми...»¹⁰ Илья Петрович незамысловато формулирует важную для автора экзистенциальную философскую истину о неизбежном отчуждении человека в рамках объективированного бытия.

Специфика дневникового дискурса, особенности исповедального повествования не позволяют характеризовать рассказчика как «эгоиста, труса и пошляка». Необходимо учитывать, что герой, способный к самоиронии, к самоосуждению и взыскательной нравственной оценке, сам называет себя трусом и дураком, но при этом продолжает отстаивать самооценку своей уникальной экзистенции, испытывая настоящее, неподдельное счастье оттого, что ему 45 лет и он не подлежит призыву. Он понимает, что говорить об этом стыдно, неприлично, однако не может не думать именно так: «...мне ужасно не нравится, что война. Очень возможно (да это так и есть), что более высокие умы: ученые, политики, журналисты – способны усмотреть какой-то смысл в этой безобразной драке, но моим маленьким умом я решительно не могу понять, что тут может быть хорошего и разумного... <...>. И если выходит так, что дурак-то я с моим непониманием (а немец-то как раз понимает, зачем это надо. – *Н.Б.*), да мало того, что дурак, а еще и трус? Что ж – очень возможно. Возможно, что и дурак. Возможно, что и трус. <...> Всю мою жизнь я никого не трогал и, что бы там ни пели, имею полное право желать, чтобы и меня не трогали и не стреляли в меня, как в воробья! Не я хотел войны, и Вильгельм ведь не прислал ко мне посла с вопросом, согласен ли я драться, а просто взял и объявил: дерись!»¹¹

Полвека назад подобный экзистенциальный бунт уже был заявлен подпольным парадоксалистом Достоевского, не желающим быть в общей жизни «штифтиком», «фортепианной клавишей», с которыми не считаются и не спрашивают.

«...Вместо того, чтобы называться Ильей Петровичем Дементьевым и жить в городе Петербурге на Почтамтской, я мог бы быть каким-нибудь бельгийцем, Меттерлинком и теперь уже погиб бы под немецкими снарядами... Но <...> сколько бы я ни жалел бельгийца и нашего солдата, который погибает в окопах, я не могу не радоваться тому, что я есть то, что я есть. <...> Моя душа – это моя душа, и единственный ее господин – это я...»¹² В этих признаниях – квинтэссенция экзистенциального мировосприятия персонажа.

¹⁰ Андреев 1996, 11.

¹¹ Андреев 1996, 12.

¹² Андреев 1996, 13.

Автор строит дневниковые записи героя так, чтобы экспрессивно заострить проблему отчуждения, придавая ей все более трагический колорит: «...и хоть во сне черпаю некоторый отдых и забвение, но зато с первой же минуты пробуждения порою уже готов лезть на стену от этого невыносимого раздражения, зудящей какой-то, по всему телу ползающей тоски...»¹³ Эти переживания свойственны герою в те дни, когда существование его собственной семьи можно назвать еще относительно благополучным, когда он всего только реагирует на сводки, почерпнутые из газет, и тревожится за судьбу Павлуши, младшего брата жены, воюющего в окопах. Первая часть повести завершается известием о гибели Павлуши.

Кульминацией личностного бунта становится запись в дневнике от 14 февраля 1915 года – реакция на прочитанную героем статью о том, что война принесет необыкновенное счастье всему человечеству, конечно, будущему. «Нынешняя война – это-де что-то вроде болезни, которая убивает отдельные клеточки в теле и вместе с тем весь организм ведет к обновлению... А кто же эти клеточки? А это, по видимости, я, Инна Ивановна, наш несчастный убитый Павлуша и все те миллионы убитых и растерзанных, кровь и слезы которых скоро затопят несчастную землю... <...> Нет, до чего надо возмнить о себе, до какого *безбожия* надобно дойти, чтобы человека с его *святым именем* приравнять какой-то клеточке...»¹⁴ (Курсив наш. – Н.Б.).

Повесть насыщена реминисценциями из Достоевского. Первоначально Иван Петрович Дементьев обнаруживает несомненное экзистенциальное родство с повествователем «Записок из подполья». «Я-то один, а они-то *все*» (курсив Ф.М.Достоевского. – Н.Б.)¹⁵. Именно так ощущает себя и герой Андреева. Метафизика морали одного и другого персонажа основана на идее уникальности и неповторимости их персонального опыта. «Маленький» человек Андреева так же, как и «подпольный» герой Достоевского, одержим стремлением противопоставить себя всему миру и не дать «пробиться», «проклонуться» «положительным элементам», надежно запрятанным в глубины подсознания. У «подпольного парадоксалиста» случился прорыв в далеком прошлом, в момент общения с Лизой, понявшей сердцем его интеллектуальную и нравственную болезнь: «Мне не дают... Я не могу быть... добрым!»¹⁶ Но в повести Достоевского соблюдена чистота экзистенциального эксперимента, когда герой оказывается в ситуации абсолютного отчуждения, когда он не вовлечен ни в какие общественные и нравственные катаклизмы, позволяющие стать «больше самого себя», своей единственной и неповторимой экзистенциальной судьбы. Поэтому в конце произведения писатель приводит «подпольного» к своеобразному нравственному поражению. Финал «закольцовывает» повесть, возвращает героя к опасному торжеству саморазрушительной философии (она развернута в 1-й части), приводящей к абсолютному солипсизму торжествующего самодержавного Я: «Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить»¹⁷.

¹³ Андреев 1996, 21.

¹⁴ Андреев 1996, 37–38.

¹⁵ Достоевский 1973, 125.

¹⁶ Достоевский 1973, 175.

¹⁷ Достоевский 1973, 174.

Герой Андреева родствен «подпольному парадоксалисту», ибо тоже доходит до подобной мысли: «До чего же я весь другой стал, даже удивительно! Никого мне не жаль, никого я не люблю, даже детей; и живет во мне одна только голая ненависть. Хожу по улицам, гляжу на людей и дома и думаю тихонечко, даже улыбаюсь: хоть бы вы все провалились сквозь землю! <...> И России мне не жаль, пусть крихтит. И себя не жаль. И умри сейчас Саша, я, кажется, бровью не поведу. Вот, говорят, что-то вроде холеры у нас начинается... что ж, пускай холера. Пускай и чума, и мор, и землетрясение, мне-то какое дело?»¹⁸

Такое состояние героя трактовано автором как кризис сознания, который имеет свои истоки и художественно воплощен через систему приемов экспрессивного стиля (повторы, заострение иронической интонации, приобретающей саркастические оттенки). Прав Бен Хеллман, отметивший, что внешним проявлением кризиса героя является «его неспособность плакать»¹⁹.

Психологическим объяснением подобного состояния является неизбывное горе Дементьева – смерть шестилетней Лидочки, любимого ребенка, которому он не смог помочь, которого не успел спасти. Другим потрясением стало закрытие конторы, где служил Илья Петрович, потеря работы, жалованья, а значит, сознание своей ненужности, бесполезности. У героя рождается мысль о самоубийстве.

Но затем совершается нравственное перерождение, преображение героя. Он переживает становление другого сознания. Самое важное здесь – необъяснимость, немотивированность и внезапность перемены. Изображается захваченность всего существа человека новым мироощущением, вовлеченность в процесс получения экзистенциального опыта...

Уникальность подобного опыта в том и состоит, что он не может быть повторен, закреплён и автоматически воспроизведен. Вот почему герой как бы удивляется сам себе, теряет способность рационально анализировать и объяснять, что именно с ним происходит: «И вот здесь, с этой минуты, и началось со мною особенное, что мне очень, очень трудно передать. <...> ...никогда, сколько себя помню, не бывало у меня настоящих длинных мыслей. А тут произошло со мной превращение, удивительное, как в сказке: словно открылись у меня тысячи глаз и ушей...»²⁰ То, что происходит с Дементьевым в момент, когда он уже готов был броситься с Троицкого моста, невольно рождает ассоциации со знаменитой легендой об ангеле смерти, сплошь покрытом глазами и способном в момент смертельного испытания оставить человека жить, подарив ему «второе зрение», еще одну пару глаз. (Эту легенду использует Лев Шестов в работе «Преодоление самоочевидностей» для интерпретации философских и художественных открытий Достоевского²¹.)

Характеризуя природу экзистенциального опыта, современный историк философии замечает: «...истина, получаемая в экзистенциальном опыте, не аккумулируется и не накапливается наподобие житейского опыта, как не накапливается и мудрость, которая есть не сумма знаний, а живая, всегда актуальная способность и готовность мыслить и реагировать соответственно конкретной ситуации. <...>

¹⁸ Андреев 1996, 47–48.

¹⁹ Хеллман 1995, 214.

²⁰ Андреев 1996, 73.

²¹ Шестов 1993, 27.

Это целостная реакция всей человеческой личности, а не холодного аналитического ума, <...> и эта реакция не опосредована никакими социальными, культурными, научными и прочими установками и нормами. <...> Истина, открывшаяся в экзистенциальном опыте, *удостоверяет сама себя* (выделено автором. – Н.Б.), ей не нужны никакие отличные от нее самой, «доказательства»...»²²

Герой свидетельствует о чудесном преображении, религиозном «обращении» на пороге смерти: «И всякие слова в голове замолчали, даже названия самих предметов как бы позабылись, а только безмолвные и длительные мысли, такие длинные, словно каждая по несколько раз обнимает весь земной шар. Нет, не могу я этого выразить. <...> И первое, что я понял, это то, что я и есть человек, о котором говорится, когда произносят слова: люди, человечество, человек. <...>

И понял – теперь не знаю, почему, – что я бессмертен совершенно, даже до смешного: Петербург может тысячу раз провалиться, а я все буду жив»²³.

От вершин пророческой мудрости Дементьев как бы мгновенно проходит путь невероятной длины – к глубинам смирения, собственной малости перед лицом тягчайшего испытания. Смирение позволяет ему по-новому увидеть и всю войну, и общенародную трагедию, и себя в ней: «В экзистенциальном опыте происходит, если воспользоваться кантовским выражением, смена «определяющих оснований» воли..., и эту перемену в пределе можно назвать «обращением» (термином, несущим прежде всего религиозный смысл)»²⁴.

Илья Петрович Дементьев в повести Андреева в результате экзистенциального опыта совершает эволюцию от «подпольного» до «соборного» человека, что позволяет рассматривать авторскую позицию в категориях религиозного экзистенциализма.

Таким образом, «почти не замеченная» повесть Андреева являет собой весомый художественный вклад в литературу периода Первой мировой войны. Она отразила и скорбные события военного тыла – первые похоронки, тыловые госпитали, сбор средств в помощь раненым, возвращение с фронта калек, – и потребность найти опору в обращении к нравственно-религиозным основам национального характера: «В годы войны русская литература делала то, что и подобает подлинному искусству военного времени: утешала, молилась, сострадала, надеялась, верила, отчаивалась, взывала к совести»²⁵.

Как нельзя точнее этот вывод современного исследователя подтверждается финальными строками андреевской повести: «Сегодня много странных мыслей и непроходящее волнение. Смотрю на каждую пару рук, чем-нибудь занятых или зря болтающихся в рукавах, и все мечтаю о соединении. <...> Кого прокляну, кого осужу, когда все мы таковы, несчастные! Вижу страдание всеобщее, вижу руки протянутые и знаю: когда прикоснутся они друг к другу, мать Земля к Сыну своему, то наступит великое разрешение... но мне его не видать. Да и чем заслужил? Жил я «клеточкой» и умру такой же клеточкой, и только об одном молню судьбу свою: чтобы не была напрасной моя смерть и страдания, которые принимаю по-

²² Кузьмина 2014, 32–33.

²³ Андреев 1996, 74–75.

²⁴ Кузьмина 2014, 34.

²⁵ Иванов 2005.

корно и со смирением. Но не могу совсем успокоиться в этой безнадежности: горит у меня сердце... <...>

И все плачу, все плачу, все плачу»²⁶.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев, Л.Н. 1990–1996: *Собр. сочинений*: в 6 т. Т. 6. М.
Вологина, О.В. 2005: *Творчество Леонида Андреева в контексте европейской литературы XX века*. Орел.
Достоевский, Ф.М. 1972–1990: *Полное собрание сочинений*: в 30 т. Художественные произведения: тт 1–17. Т.5. Л.
Иванов, А.И. 2005: *Первая мировая война и русская литература 1914–1918 гг.: этические и эстетические аспекты*: дис..... д-ра филол. наук. М.
Кен, Л.Н., Рогов, Л.Э. 2010: *Жизнь Леонида Андреева, рассказана им самим и его современниками*. СПб.
Кузьмина, Т.А. 2014: *Экзистенциальная философия*. М.
Чуваков, В.Н. (сост.) 1998: *Леонид Николаевич Андреев. Библиография*. М.
Хеллман, Б. 1995: *Маленький человек и великая война: повесть Л.Н. Андреева «Иго войны»*. В сб.: *«Свое» и «чужое» в литературе и культуре*. Тарту, 206–219.
Шестов, Л. 1993: *Сочинения*: в 2 т. Т.2. М.

REFERENCES

- Andreyev, L.N. 1990–1996: *Sobranie sochineniy*: v 6 t. T. 6. M.
Vologina, O.V. 2005: *Tvorchestvo Leonida Andreyeva v kontekste evropeyskoy literatury XX veka*. Oryel.
Dostoyevsky, F.M. 1972–1990: *Polnoe sobranie sochineniy*: v 30 t. *Khudozhestvennyye proizvedeniya*: tt 1–17. T.5. Leningrad.
Ivanov, A.I. 2005: *Pervaya mirovaya voyna i russkaya literature 1914–1918 godov: eticheskie i esteticheskie aspekty*: dis... doktora filologich. nauk. Moscow.
Ken, L.N., Rogov, L.E. 2010: *Zhizn' Leonida Andreyeva, rasskazannaya im samim i ego sovremennikami*. Saint-Petersburg.
Kuz'mina, T.A. 2014: *Existentsial'naya filosofiya*. Moscow.
Chuvakov, V.N. (sost.) 1998: *Leonid Nikolaevich Andreev. Bibliografija*. Moscow.
Khellman, B. 1995: *Malen'kiy chelovek i velikaya voyna: povest' L.N. Andreyeva "Igo voyny"*. In: *"Svoye" i "chuzhoe" v literature i kul'ture*. Tartu, 206–219.
Shestov, L. 1993: *Sochineniya*: v 2 t. T.2. M.

ON THE ISSUE OF THE RELIGIOUS-PHILOSOPHIC CONTEXT OF LEONID ANDREYEV'S STORY "THE YOKE OF THE WAR"

Natalia D. Bogatyreva

* *Yyatka State University of Humanities, Russia,*
bognat5@yandex.ru

Abstract. The article deals with the religious and existential context of L. Andreev's story "The Yoke of the War". The main character Ilya Petrovich Dementiev – the modest accountant

²⁶ Андреев 1996, 85.

in Saint Petersburg – puts down his impressions of the First World War in a diary. The author shows the evolution of his life experience – through the alienation, existential rebellion in order to defend his unique personality – to the consciousness of the unity with all suffering people, to «sobornost'» and Christian humility. Abruptness and groundlessness of the changes of the main character's consciousness is explained by the philosophic term “existential experience”. They may be understood in religious categories of transfiguration or conversion that allow us to consider the point of view of the author to be close to the ideas of Russian existential philosophy.

Key words: alienation, existential rebellion, «underground» consciousness, «sobornost'»

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 362–371
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 362–371
© Автор(ы) 2016

ЗАГОЛОВОЧНО-ФИНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС В КНИГАХ Д. ОСОКИНА

Т.А. Чигинцева

*Южно-Уральский государственный университет, Челябинск,
tatewick@yandex.ru*

Аннотация. В данной статье раскрываются особенности нетрадиционного в визуальном плане построения заголовочно-финального комплекса в книгах-циклах современного писателя Дениса Осокина. Поэтика заглавия становится одной из определяющих в формировании органичного произведения.

Визуальный облик текстов Дениса Осокина отличается специфическими характеристиками, прежде всего фрагментарностью пространства страницы, которая создается сегментированием на небольшие по объему рассказы или главы, часто связанные друг с другом по ассоциативной логике.

Фрагментарность, ослабленный сюжет, лейтмотивно-ассоциативный тип повествования, присущие произведениям Дениса Осокина, создают дискретный, разреженный облик текста. Общий сегментированный облик текстов Дениса Осокина усиливается их тяготением к циклической организации каждого фрагмента со своим заголовочно-финальным комплексом. Циклическая организация книг Дениса Осокина является фактором, дополнительно сегментирующим пространство страницы за счет объединения фрагментов минимального объема и заголовочного комплекса.

ЗФК имеет двойственную природу: с одной стороны, он обладает самостоятельностью, находясь вне текста, с другой стороны, является частью текста, связан с другими его компонентами. Он является одновременно элементом, визуально усиливающим дискретный облик текста, и элементом, способствующим соединению визуально разрозненных компонентов.

Чигинцева Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы факультета журналистики Южно-Уральского государственного университета (НИУ). E-mail: tatewick@yandex.ru